

На правах рукописи

АРЖЕНОВСКИЙ БОРИС МИХАЙЛОВИЧ

**СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ
СУБЪЕКТНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА РИСКА**

Специальность
22.00.06 - социология культуры, духовной жизни
(социологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Ростов-на-Дону
2006

Работа выполнена в ГОУ ВПО
«Ростовский государственный педагогический университет»
на кафедре социологии и политологии

Научный руководитель:
доктор социологических наук, профессор
Борцов Юрий Сергеевич

Официальные оппоненты:
доктор социологических наук, доцент
Зубок Юлия Альбертовна
доктор социологических наук, профессор
Самыгин Сергей Иванович

Ведущая организация:
ГОУ ВПО
**«Южно-Российский
государственный технический университет (НПИ)»**

Защита состоится «22» декабря 2006 г. в 16.00. часов на заседании диссертационного совета Д 212.206.03 по социологическим наукам в ГОУ ВПО «Ростовский государственный педагогический университет» по адресу: г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33, ауд. 202.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Ростовского государственного педагогического университета по адресу: г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33.

Автореферат разослан «22» ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Л.Я. Хоронько

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. В современном мире молодежные проблемы с особой остротой начали проявляться с 60-х гг. XX в., когда в различных промышленно развитых странах Европы и в США прошла волна протестного движения, в котором обнажилось отчуждение молодежи от «взрослого» общества. Молодежь послевоенного поколения стала активно заявлять о собственных ценностях, отличных от всех остальных социальных групп, формировать собственные стандарты поведения. Ее социальная активность дала возможность теоретикам увидеть динамичный и процессуальный характер общества. Как отмечает П. Штомка: «Было признано, что общество (группа, общность, организация, национальное государство) может быть определено как существующее лишь постольку и до тех пор, пока внутри него что-то *происходит* (случается), предпринимаются какие-то действия, протекают какие-то процессы, что-то меняется»¹. И молодежь выступила активной силой – субъектом, вызывающим социальные изменения. Осмысление этой инновационно-динамической функции молодежи привело к развитию деятельности, направленной на регулирование процесса интеграции молодежи в общество.

С 1985 г. под эгидой ЮНЕСКО начинает функционировать Всемирный конгресс по вопросам молодежи. К исследованию и разрешению молодежных проблем в 90-е гг. подключаются Международная организация труда (МОТ), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ). На протяжении последних трех десятилетий наблюдается нарастающая активизация государства в сфере молодежной политики². Инвестирование в социокультурный потенциал молодежи рассматривается не только как наращивание культурного и социально-экономического ресурса общества, но и как формирование достойного участника (даже в латентной форме) политического диалога, от которого в значительной степени зависят производство социальных отношений и трансформация общества. Такое внимание государства к молодежи эксперты ООН, учитывая социальные исследования последних десятилетий³,

¹ Штомка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 112.

² Ювенология и ювенальная политика в XXI веке. СПб., 2004. С. 135–145.

³ Большое влияние в этом отношении оказали исследование У. Бека, Э. Гидденса. (См., например, Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000).

объясняют вступлением развитых стран в период социальных рисков.

В России наблюдается скорее обратная тенденция: при значительном омоложении субъектов социально-политических отношений молодежь как социальная группа остается на периферии социальной жизни. Системные реформы 90-х гг. вызвали не только территориальный распад СССР, но и разрушение институциональной структуры советского государства, в том числе и организаций, обеспечивавших социальную преемственность поколений (например, ВЛКСМ, пионерская организация) и их естественную интеграцию в общество. Рыночная трансформация социально-экономической системы России существенно изменила базовые условия жизни именно молодежи, которая в большинстве своем оказалась в ситуации «исключения» из общества в периоды разрешения смысложизненных проблем – выбора профессии (15–19 лет), вхождения в профессиональную среду (20–21 год), конституирования собственной семьи (21–29 лет). Однако вместо активного протестного движения эта ситуация вызвала другие тенденции – социальную апатию, политическое отчуждение, уход в криминальные структуры и осознание того факта, что «...не все структуры и отношения могут и должны быть воспроизведены молодым поколением»⁴.

Следовательно, в условиях рискованной социальной транзиции не гарантированным оказывается автоматический процесс интеграции молодежи в общество и участие ее в расширенном типе социального воспроизводства. Эта функция традиционно рассматривается учеными как субъектная характеристика молодежи.⁵ Реализация этой функции в значительной степени определяется способностью молодежи интегрироваться в систему социально-политических институтов. Как замечает выдающийся отечественный социолог В.А. Ядов: «Чтобы осуществить свою роль обновленцев, молодые должны войти в состав властвующей элиты, а это процесс постепенный...»⁶. Можно добавить также, что он требует целенаправленной организации и заинтересованности управленческих структур, обеспечивающих функционирование общества, что в условиях российского общества рисков оказывается до сих пор невыполнимой задачей.

⁴ Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М., 2001. С. 71.

⁵ Там же. С. 72.

⁶ Ядов В.А. К вопросу об исторической миссии молодого поколения // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России. М., 2005. С. 255.

Изложенная позиция объясняет актуальность проблемы исследования социальной активности современной российской молодежи, в которой проявляется ее социальная субъектность. В современной отечественной социологии молодежь рассматривается чаще всего в ключе «моральных паник» и «угроз национальной безопасности»⁷, что актуализирует необходимость теоретического обоснования перспектив субъектного подхода к анализу современной российской молодежи.

Но в большей степени важна практическая сторона этой проблемы, поскольку стремление реализовать демократическое требование освобождения молодежи от государственного влияния и в настоящее время препятствует нейтральному обсуждению проблемы участия государства в регулировании процесса социализации молодежи, определению его социальных смыслов. Сам факт разработки в 1999 г. законопроекта о молодежи Комитетом по делам женщин, семьи и молодежи Государственной Думы РФ свидетельствует о восприятии ее как социально незащищенного слоя, а не как субъекта, способного влиять на производство социальных отношений. Разработка долгосрочной и гибкой государственной молодежной политики предполагает осмысление наличных ресурсов молодежи, обоснование стратегии наращивания ее социокультурного потенциала и выбора механизма включения широких слоев молодежи в активное производство социальных отношений. Этим кругом теоретических и практических проблем объясняется актуальность темы диссертационного исследования.

Степень научной разработанности проблемы. В отечественном социологическом дискурсе проблема молодежи была поставлена в ранней работе П.Сорокина, где впервые осмысливается явление разрыва традиционных связей внутри российской семьи.⁸ В ней рассматривается переход от рассмотрения молодежи как объекта воздействия в семье к ее анализу как особой общности, требующей специального направления образовательной политики государства. В социально-политическом дискурсе проблема социальной субъектности молодежи возникла в период социалистических революционных преобразований. Уже тогда была сформулирована историческая миссия этой группы населения –

⁷ Омельченко Е. Молодежная культура и субкультура. М., 2000. С. 15–21.

⁸ Сорокин П. Кризис современной российской семьи // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1916. № 1.

выступить творцом коммунистического общества. Такой классовый и активистский подход на многие десятилетия определил обсуждение проблемы молодежи в отечественном обществознании и разработку молодежной политики со стороны советского государства. Только в 60-е гг. происходит переориентация анализа на специфические проблемы и интересы. Данный подход связан с работами В. Васильева, А. Кулагина, В. Шубкина, В. Чупрова, которые исследовали социальное самочувствие и объективное положение молодежи и заложили основы отечественной социологии молодежи – теории среднего уровня⁹.

В 80-х гг. доминирующим направлением в молодежной проблематике стало изучение социализации, реализованное С.Н. Иконниковой, И.М. Ильинским, В.Т. Лисовским, И.С. Коном, М.Х. Титмой, В.И. Чупровым.¹⁰ Социализация трактуется как формирование молодежи в духе морально-нравственных и социально одобряемых норм, но молодежь при этом постепенно теряет характеристики субъекта социальных процессов, выступает объектом направленного воздействия со стороны государства.

В первой половине 90-х гг. в исследованиях можно выделить, с одной стороны, резкую критику мировоззренческой неустойчивости определенной части молодежи, изменения ее трудовых ценностей, рост гедонистских настроений (И.М. Ильинский, И. Лаумянская, Ю. Филинов)¹¹, с другой – разработку проблемы молодежной субкультуры, неформальных молодежных объединений (Т.Г. Исламшина, А.С. Кичигин, В.Ф. Левичева, В.А. Печенев, В.А. Писарев, В. Семенова, З.В. Сикевич и др.)¹². В этих работах предлагались различные типологии неформаль-

⁹ См. об этом: Чупров В. Социология молодежи на рубеже своего тридцатилетия // Социс. 1994. № 6.

¹⁰ Ильинский И.М. Молодежь СССР: достижения, проблемы, решения // Социализм и молодежь. М., 1988; Ефимов Н.Н., Дерюгин Ю.Н. Пути повышения эффективности военно-патриотического воспитания молодежи // Социологические исследования. 1980. № 1; Иконникова С.Н. Диалог о культуре. Л., 1987; Кон И.С. Социология личности. М., 1967; Титма М.Х. Жизненный путь поколения: его выбор и утверждение. Таллинн, 1985; Титма М.Х., Саар Э.А. Молодое поколение. М., 1986.

¹¹ Ильинский И.М. Социализм и молодежь. М., 1988; Лаумянская И. Проблема формирования субъектности молодежи // Молодежь: актуальные проблемы социального развития: Сб. науч. тр. советских и чехословацких социологов. М., 1988.

¹² Исламшина Т.Г. Молодежные субкультуры. Казань, 1997; Левичева В.Ф. Молодежный Вавилон: размышления о неформальном движении. М., 1988; Лейн Д. Поколенческие изменения // Молодежь России на рубеже 1990-х гг. М., 1992; Молодежь России: социальное развитие / Отв. ред. В.И. Чупров. М., 1992; Неформалы: кто они? Куда зовут? / Под

ных объединений, но почти все они создавались по политико-мировоззренческому основанию. Так, в неявной форме субкультурные (неформальные) объединения молодежи рассматривались с точки зрения их субъектных характеристик. Системно-структурный подход к анализу молодежи дополнялся социокультурным. Но трактовка субъектности молодежи приобретала размыто-абстрактное выражение: «Молодежь – специфическая, незавершенная форма бытия целостного субъекта общественного производства, где и когда субъект наличествует, но еще не сложился как целостный и развитой»¹³.

Во второй половине 90-х гг. в исследованиях молодежной темы начинает преобладать критически-страдательный акцент: основное внимание уделяется проблемам девиантного и делинквентного поведения, безработицы, проблеме жилья для молодых, низкого уровня заработной платы. Рассматривались структурные изменения в данной социальной группе: неравномерный характер социализации, сокращение численности, растущая инфантильность и зависимость от родителей, возникшие «ножницы» между уровнем образования молодежи и характером ее труда, удлинение сроков образования, растущее разочарование в социально-политической активности и пр.

В последнее десятилетие наблюдается некоторая подвижка в осмыслении проблемы социальной позиции и роли молодежи в обществе. Так, И.Б. Ильинский говорит о взаимном долженствовании молодежи перед обществом, а общества – перед молодежью¹⁴. Но постепенно позиция долженствования вытесняется стремлением к объективному анализу многообразия форм проявлений социальной субъектности современной молодежи, даже если само понятие «субъектность» авторами не используется. К группе исследований такого рода можно отнести работы известных

ред. В.А. Печенева. М., 1990; *Писарев В.А.* Агрессивно-конформистская субкультура молодежи России // Молодежь России на рубеже 1990-х гг. М., 1992; По неписанным законам улицы... (О неформальных молодежных объединениях). М., 1991; *Семенова В.* Традиционность и новаторство в социальном развитии молодежи // Молодежь: актуальные проблемы социального развития...; *Сикевич З.В.* Молодежная культура: «за» и «против»: Заметки социолога. Л., 1990.

¹³ *Качанов Ю.* Молодежь как предмет исследования общесоциологической теории // Молодежь: актуальные проблемы социального развития... С. 58.

¹⁴ *Ильинский И.М.* Молодежь СССР: достижения, проблемы, решения // Социализм и молодежь. М., 1988; *Ильинский И.М., Бабочкин П.И.* Основы концепции воспитания жизнеспособных поколений // Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений: Доклад Комитета РФ по делам молодежи. М., 1995.

отечественных социологов: Д.Л. Константиновского, В.Т. Лисовского, Ф.И. Шереги, В.Н. Шубкина, сохраняющих приверженность методологии структурно-функционального анализа. Но эта позиция свойственна также и социокультурному подходу, позволяющему описать культурное самовыражение различных молодежных групп (Н.Б. Гончарова, В.А. Луков, Е. Омельченко, Т. Щепаньская)¹⁵. Е. Омельченко, описывая на большом статистическом материале молодежные субкультуры, доказывает, что разрешение нынешнего молодежного вопроса сопряжено с культурной нормализацией молодежных практик и легитимацией многообразия молодежных субъективностей¹⁶. В комплексных исследованиях последних лет, представленных коллективами академических институтов¹⁷, прослеживается стремление объединить исследования данных направлений. Эти работы выполнены на основе масштабных эмпирических исследований. В них не только подробно анализируются современное состояние и самочувствие российской молодежи, но и рассматривается проблема оптимизации молодежной политики современного государства.

Кроме того, в современной социологии представлена и другая позиция. В работах Ю. Зубок представлен противоположный аспект проблемы социальной субъектности молодежи – ее исключение. Показывается производность этой позиции от статусных ресурсов групп, к которым принадлежат представители молодежи, определяющая внутреннюю дифференциацию последней. Более развернуто и системно такой подход реализован в коллективной монографии В. Чупрова, Ю. Зубок и К. Уильямса¹⁸, где анализируются особенности социального облика молодых поколений России и Запада, а также обосновывается идея конфликта молодежи и общества в целом в условиях социальной неопределенности. Доказывая,

¹⁵ Константиновский К.Д. Молодежь 90-х: самоопределение в новой реальности. М., 2000; Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб., 2000; Раковская О.А. Социальные ориентиры молодежи: тенденции, проблемы, перспективы. М., 1994; Щепаньская Т. Система: тексты и традиции субкультуры. М., 2004.

¹⁶ Гончарова Н.Б. Специфика социализации подростков современного крупного города: вхождение в рок-культуру: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2001; Василенко Н.Н. Социализация молодежи в условиях социокультурного кризиса: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2004; Омельченко Е. Указ. соч.; Она же. Герои нашего времени: Социологические очерки. Ульяновск, 2000; Она же. Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск, 2004; Другое поле / Под ред. Е.Л. Омельченко, С.А. Первильева. Ульяновск, 2000 и др.

¹⁷ Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи: теоретические вопросы. М., 1999; Российская молодежь: проблемы и решения. М., 2005.

¹⁸ Чупров В., Зубок Ю., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М., 2001;

что сегодня молодежь превращается «из особой социальной в обычную демографическую группу»¹⁹, авторы проблематизируют возможность молодежи выступить субъектом социальных процессов. В работах названных авторов наиболее полно осуществлена теоретическая и эмпирическая разработка рискологического подхода к исследованию молодежи, разработана концепция риска как фактора ее социального развития²⁰.

Гипотеза исследования. Сегодня происходит трансформация субъектных качеств молодежи в условиях современного изменяющегося общества, которое в последнее десятилетие характеризуется как общество риска²¹. Исходя из этого необходимо осмысление стратегии молодежной политики, позволяющей реализовать инновационный потенциал молодежи. Такой подход отвечает потребности современной ювенологии в поисках новых концептуальных моделей анализа. Как отмечал известный специалист в этой области, А. Толстых: «... у нас не только существует дефицит соответствующих исследований, но и по сути нет методологии изучения молодежных проблем»²².

Целью исследования выступает выявление и обоснование культурной специфики становления социальной субъектности российской молодежи в условиях экспансии социальных рисков.

Достижение поставленной цели предполагает реализацию комплекса более частных **исследовательских задач:**

- 1) выявить тенденцию развития макросоциальных процессов, определяющую социокультурные условия становления современной российской молодежи;

¹⁹ Там же. С. 72.

²⁰ См. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Мамедов Р.А. Противоречия социального развития молодежи в ситуациях риска // Россия на пути к возрождению / Под ред. Г.В.Осипова, В.Н.Кузнецова, В.В. Локосова. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2004; Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи. М., 2003; Она же. Риск в социальном развитии молодежи // Социально-Гуманитарное знание. 2003. № 1; Она же. Методологические проблемы социального развития молодежи в условиях риска// Социол. исслед. 2003. № 4; Она же. Теоретические и прикладные проблемы социального развития молодежи в обществе риска // Безопасность Евразии. – 2003 и др.

²¹ Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи. М.: Изд-во МГСА, 2003; Риск в социальном пространстве. М., 2001; Шляпентох В.Э., Шубкин В.Н., Ядов В.А. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований). М., 1999; Яницкий О.Н. Социология риска. М., 2003; Он же. Модернизация в России в свете концепции «общества риска» // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии / Ред. Т. Заславская. М., 1997.

²² Толстых А. Опыт конкретно-исторической психологии личности. СПб., 2000. С. 214.

- 2) определить перспективы формирования ее субъектных качеств в условиях общества риска;
- 3) выделить критерии формирования идентичности как современной основы формирования типов социальной субъектности в молодежной среде;
- 4) типологизировать формы проявления социальной субъектности современной российской молодежи;
- 5) выявить связь типов социальной субъектности молодежи проявлений ее политической активности;
- 6) обосновать перспективное направление целенаправленной активизации молодежи в контексте оптимизации государственной функции управления человеческим капиталом.

Объектом исследования являются социальные позиции молодежи как социально-демографической группы в условиях трансформации российского общества, обострившей риски системного функционирования.

Предметом исследования выступают динамическое изменение форм проявления субъектных характеристик молодежи и социокультурные факторы, определяющие способы активизации ее инновационного потенциала.

Теоретико-методологические основания исследования наряду с общенаучными принципами (системности, историзма) составили ключевые положения ряда социологических теорий. В частности, интерпретация У.Бекком современного общества как общества риска. Его идеи о росте отчуждения в современном обществе, об индивидуализации как процессе, сопряженном с утратой индивидом опоры и поддержки в социальных институтах; о нарастании рисков лежат в основе диссертационного исследования. Работа опирается также на идею идентификационного основания социальной субъектности в постиндустриальном обществе, разработанную А. Туреном, и принципы типологии социальной адаптации Р. Мертона. В качестве методологической основы выступает рискологический подход к исследованию молодежи В. Чупрова и Ю. Зубок.

Эмпирической базой исследования послужили статистические материалы, фиксирующие объективное положение российской молодежи; результаты вторичного анализа эмпирических исследований, ко-

торые проводились по всероссийским выборкам Институтом социологии РАН и были опубликованы в коллективной монографии «Российская молодежь: проблемы и решения» (М., 2005); а также результаты социологического опроса, который проводился при личном участии автора в 2005 г. среди молодежи Ростовской области. Методом стандартизированного интервью было опрошено 266 человек: 120 респондентов из сельских и 146 – из городских поселений различных типов.

Научная новизна исследования в содержательном плане заключается в следующем:

- выделена главная тенденция экспансии рисков в условиях российского варианта модернизации – их распространения на механизм социально-демографического воспроизводства;
- показано значительное снижение субъектного потенциала молодежи, обеспечивающего воспроизводство социально-профессиональной структуры общества, а именно: тренд истончения слоя занятых в аграрном и промышленном секторах экономики;
- выделен главный индикатор формирования групповой идентичности молодежи – выбор стратегии вхождения в общество, которая определяет тип социальной субъектности;
- типологизированы формы социальной субъектности молодежи по степени и характеру активности: активистски-интегрирующая, активистски-дифференцирующая, пассивно-конформистская;
- выявлена непосредственная связь стратегий интеграции молодежи в общество и степени ее политической лояльности по отношению к курсу рыночных реформ;
- показана необходимость переориентации ювенальной политики российского государства на рост и консолидацию социальной активности молодежи (что позволит преодолеть разрыв ее структурного и культурного позиционирования) и разработан пакет рекомендаций в адрес управленческих структур, позволяющих реализовать эту стратегию.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Социализация основных когорт современной российской молодежи проходит в период сознательного выбора правительством рискованного курса, направленного на становление общества со-

временного типа, важнейшей характеристикой которого является процесс индивидуализации, т.е. перевод ответственности за организацию жизнеобеспечения с социальных институтов на индивида. В российских условиях латентная сторона этого процесса заключается в утрате правительством функции управления человеческим потенциалом страны, что определяет специфику российского варианта модернизации - расширение экспансии рисков: они захватывают не только экономику и культуру, но и трансформируют механизм социально-демографического воспроизводства. При этом главному риску подвергается молодежь как основной субъект воспроизводства общества.

2. Высокий уровень социально-экономической поляризации населения России вызвал дифференциацию молодежи на социально неравные группы по критерию доступа к высшему профессиональному образованию и высокооплачиваемым сферам занятости. Сужение социальных перспектив затрагивает в первую очередь молодежь провинциальных городов и сельских поселений, среди которой отчетливо проявляется тенденция социальной деградации: алкоголизм, суицидальность, агрессия. Адаптивная часть молодежи не ориентирована на производительный сектор экономики, рассматривает трудовую деятельность преимущественно в прагматических целях и легко переходит к теневым практикам, обеспечивающим более высокий уровень доходов. Эти тенденции свидетельствуют о неготовности молодежи к роли субъекта воспроизводства социокультурного потенциала и социально-профессиональной компетентности современного типа общества.
3. Нарастание в обществе риска тенденции индивидуализации вызвало проявление социальной субъектности не только как организованной социально-политической деятельности, но и в виде кристаллизации социальных идентичностей, которые побуждают к социальной активности структурно неорганизованные социальные движения. Базовым индикатором групповой идентичности в молодежной среде выступают выбор стратегии интеграции или обособления (дифференциации) при вхождении в общество. Характерными чертами обеих стратегий в настоящее время являются вынужденность интеграции, ее локальный, узкогрупповой и альтерна-

тивный диапазон, а также дистанцированность от мобилизационных технологий преобразовательной деятельности.

4. Эмпирические исследования показывают дифференциацию российской молодежи на три количественно неравные группы, отличающиеся субъектностью по степени и характеру активности: активистски-интегрирующую, где молодежь выступает актором поддерживающим и воспроизводящим сложившиеся социокультурные ценности; активистски-дифференцирующую, в которой молодежь выступает актором, стремящимся конструировать свой собственный мир, существующий параллельно с обществом «взрослых» (хип-культура), или вступающим с ним в конфликтные отношения (постпанковская субкультура); и наиболее многочисленную пассивно-конформистскую группу, ритуально воспроизводящую сложившуюся систему социальных отношений, активизация жизненной позиции которой требует целенаправленного социализирующего воздействия извне.
5. Ориентиры социальной субъектности разного типа демонстрируют политическую пассивность подавляющего большинства молодежи, а эмпирическое изучение политических представлений этой социально-демографической группы свидетельствует о фрагментарности и не структурированности политического сознания. Молодежи в целом свойственно противоречивое совмещение демократических и традиционно-патерналистских ценностей; разочарованность активистов в собственном опыте участия в политической деятельности; высокий уровень лояльности к традиционным ценностям порядка, законности, безопасности, с которыми сопрягается у большинства молодежи установки на перспективу долгосрочных жизненных стратегий в рыночном обществе; наличие сегмента (15%), поддерживающего радикальные ориентации, связанные с узостью каналов социальной мобильности для бедных слоев общества. Эти характеристики свидетельствуют о перспективности целенаправленного вовлечения молодежи в рыночные преобразования и новые формы социально-экономической деятельности.
6. Укрепление позиции России в системе международного общества требует ориентации ювеноальной политики на рост и консолидацию социальной активности молодежи. Эффективным

механизмом реализации этой цели выступает возрождение механизма тесного взаимодействия государства и молодежных организаций. Главными задачами государственной молодежной политики в этом направлении выступают: а) создание правовых и экономических условий социально-преобразовательной деятельности молодежи; б) переориентация молодежных организаций с манифестных политических действий на менеджерские социально-экономические функции, обеспечивающие компетентное разрешение молодежных проблем ресурсами самой молодежи; в) дифференцированный подход к работе с молодежью разных возрастов и институционализация в школе массовых юношеских организаций для формирования практических навыков социальной деятельности; г) поддержка молодежных лидеров и их интеграция в органы местного самоуправления.

Практическая значимость работы определяется потребностью осмысления социокультурных факторов, влияющих на активизацию преобразовательной деятельности молодежи в сфере социально-политических процессов. Результаты анализа могут быть использованы административными органами при разработке долгосрочной концепции работы с молодежными и студенческими организациями, а инструментарий социологического опроса – для мониторинговых исследований по проблемам молодежи.

Содержание и выводы работы могут применяться при разработке и чтении курсов лекций по социологии молодежи, а также при подготовке специалистов по работе с молодежью.

Результаты диссертационного исследования внедрены в практическую деятельность Комитета по молодежной политике Администрации Ростовской области

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования докладывались и обсуждались на совместном заседании кафедры социальных коммуникаций и технологий и кафедры социологии и политологии РГПУ, а также на Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социологические проблемы в современной России». Результаты исследования опубликованы в научных работах, общим объемом в 7,25 п.л.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех

глав, включающих 6 параграфов, заключения, списка литературы и приложения, в котором представлены линейные распределения результатов эмпирических исследований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются выбор и актуальность темы диссертационного исследования, анализируется степень её разработанности, определяются цель и задачи работы, элементы новизны, показана теоретическая и практическая значимость исследования.

Первая глава **«Теоретико-методологические проблемы исследования статуса молодежи в обществе риска»** посвящена рассмотрению двух главных методологических проблем диссертации – анализу специфики социокультурной среды современного общества, в котором происходит социализация молодежи, и основных объективных параметров социального состояния молодежи России. В первом параграфе **«Общество риска как социокультурная среда становления современной российской молодежи»** исследуются социокультурные последствия глобализации, захватившей также нашу страну. Опираясь на работы П. Бергера, Э. Гидденса и С. Хантингтона, автор показывает интегральный вектор современного процесса межгосударственной интеграции – экспансию американской культуры и зарождение на ее основе *глобальной культуры*. Ее сущность – индивидуализация как освобождение индивида от традиции и сообщества²³. Необходимой составляющей этого процесса является нарастание рисков вследствие активного преобразования человеком не только культурной, но и природной среды. Социокультурный подход к исследованию риска развивается в работах М. Дугласа, А. Вилдавского, В.И. Чупрова, Ю.А. Зубок, К. Уильямса. Они показывают, что риск как осознанный выбор того или иного решения непосредственно связан с информированностью субъекта, а также с уровнем его чувствительности к нравственности и справедливости. Иными словами, риск коренится не в объективном процессе, а в субъекте действий, поэтому и определяется социокультурными факторами.

Глобализация всех сторон жизнедеятельности общества вызвала понимание риска как его атрибутивной характеристики. Анализируя

²³ Бергер П.Л. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М., 2004. С. 16.

«общество риска», У. Бек утверждает, что индивидуализация не приводит к ожидаемой самореализации человека в труде, преодолению безработицы и доступу масс к распределению богатств. Технологический прогресс вызывает массовую безработицу, а индивидуализация – разобщенность людей и невозможность совместного разрешения возникающих острых социальных проблем. Рост внешне выраженных преимуществ технического прогресса перемещает ответственность за индивидуальную неуспешность на самого человека.

Опираясь на исследование У.Бека, автор выделяет главные характеристики «общества риска»: индивидуализация жизни, утрата традиционных социально-классовых солидарностей, обострение межличностной конкуренции и формирование новых, не стойких и конъюнктурных идентичностей. В ситуации роста рисков общество возлагает функции страховки на правительство. Однако для транзитивного периода характерно недоверие общества к правительству, что существенно затрудняет возможности снижения рисков. Рассматривая культурно-историческую специфику модернизации России, автор показывает, что ее развитие способствовало расширению сферы рисков. Приватизация и отказ государства в 90-е гг. от обеспечения социальных гарантий населению вызвали социальную поляризацию населения и формирование социально незащищенных слоев²⁴. Интегральным показателем эффективности проведения рыночных реформ являются параметры человеческого потенциала. Анализ его содержательных характеристик показывает адресную направленность этого вектора государственной политики – молодежь. Организация и обеспечение ее социокультурной и социально-профессиональной компетентности (социализация) выступает необходимым механизмом формирования человеческого потенциала страны. Именно эта функция государства в результате реформ 90-х гг. оказалась в зоне риска.

Второй параграф *«Социально-демографический и социально-профессиональный потенциал молодежи в обществе риска»* посвящен исследованию объективного положения и базовых характеристик молодежи. Эта проблема рассматривается в аспектах выявления социально-демографического и социально-профессионального потенциалов современной российской молодежи. Анализ демографических параметров свидетельствует о наличии долгосрочного тренда суженного типа

²⁴ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения России девяностых: В 2 т. М., 2000.

воспроизводства населения страны, что подтверждает численность возрастных когорт детей до 15 лет и качественные характеристики состояния их здоровья. Наряду с этим значительная часть рождаемого поколения молодыми когортами не обеспечивается должным качеством семейного воспитания, что проявляется в девиантном поведении детей. В период реформ в России наблюдается беспрецедентный рост смертности младших трудоспособных возрастов, который составил 23–55 %, у мужчин в основном – в 15–39, у женщин – в 25–39 лет. При этом в расчете на 100 умерших смертность молодых мужчин в 5 раз превышает смертность их сверстниц. Качественные исследования показывают, что главными ее причинами выступают внешние воздействия по отношению к состоянию здоровья, в которых большую роль играет *алкогольный компонент*. Его удельный вес в суицидальности составляет около 40 %²⁵. Более того, алкоголизм – ведущий фактор и кардиологической смертности в молодом возрасте. Опираясь на различные эмпирические исследования, автор выявляет социальные причины смертности молодежи и ее распространенность среди молодежи социально неадаптированных или слабо адаптированных групп.

Углубление социально-экономической дифференциации общества определяет также социально-профессиональные характеристики молодежи. На материалах статистики автор показывает снижение уровня начального профессионального и общего среднего образования среди юношей. Так, в возрасте 15–29 лет не имеют базового уровня общего образования 26,6 % юношей, а молодых девушек без общего базового образования только 6,2 %. Социальное неравенство в образовании просматривается по двум осям – территориальной (город – село) и социально-классовой: устойчиво сокращается число выходцев из семей рабочих и крестьян, пополняющих студенчество вузов.²⁶ Наблюдается тенденция консервирования низких социально-статусных позиций и снижение качественных характеристик молодежи, заполняющих эти позиции. Значительно сокращается участие молодежи в сфере материального производства: если в 1990 г. здесь было занято 80 % работающей молодежи, то в 1999 г. – 44,2 %. Резко усложнились проблемы ее профес-

²⁵ Немцов А.В. Алкогольная суицидальность в регионах России // Население и общество. Информационный бюллетень ЦДЭЧ ИНХП РАН. 2003. № 78.

²⁶ Константиновский Л.Д. Указ. соч. С. 152.

сионального самоопределения. Уже к 1994 г. доля высококвалифицированных специалистов в возрасте до 30 лет в материальном производстве была менее 15 %. Автор доказательно отражает специфику российского варианта модернизации: риски захватывают не только экономику и культуру, но и трансформируют механизм социально-демографического воспроизводства. При этом главному удару подвержена молодежь как ведущий актер социального воспроизводства.

В главе второй **«Субъектные характеристики современной российской молодежи»** рассматриваются теоретические и практические аспекты проблемы социальной субъектности молодежи. В первом **параграфе «Понятие «социального субъекта» в современных социологических концепциях»** систематизируются теоретические подходы к интерпретации социальной субъектности. Традиционно в отечественной науке понятие «субъектность» трактуется как способность к самостоятельному поведению, формулировке интересов, целей, проявлению и осуществлению воли. А сам субъект рассматривается как некоторая целостная самостоятельная организованная единица (структура), обладающая указанными качествами. Этот подход исходит из идеи прогресса и признает возможность управления динамикой социального развития.

Опираясь на труды зарубежных и отечественных теоретиков социологии второй половины XX в., автор показывает, что этот подход потерпел поражение. Так, выпали из энциклопедических справочников по социологии понятия «социальный субъект», «актор». Современное «сложное» общество, как утверждает А. Турен, не воспроизводится, а *производится* в процессе социальных отношений и взаимодействий различных социальных групп. Носителями социальных смыслов выступают общественные движения, определяемые позициями «... в процессе присвоения историчности, то есть тех культурных моделей инвестиции, знания и морали, к которым они сами ориентированы»²⁷. Схожих взглядов на субъектность общественных движений, лишенных строгих организационных форм, придерживается и Э. Гидденс. Роль ценностно-смыслового компонента в поле регулируемых ожиданий, обеспечивающих реализацию социальных действий, подчеркивается Н. Смелзером и П. Бурдьё.

В условиях широких возможностей индивидуальной мобильности и ослабления связей профессиональных и территориальных общностей, что

²⁷ Константиновский Л.Д. Указ. соч. С. 89.

характеризует общество риска, социальная солидарность и активность формируются на основании поиска и поддержания индивидом собственной *идентичности*. Это основание самоорганизации наиболее актуально именно для молодежи в силу специфики возрастной психологии. Глубокая социально-экономическая и территориальная дифференциация молодежи выступает существенным препятствием для реализации консолидированных коллективных действий. А потому различные группы молодежи формирует ситуативные социальные движения. Субъектный потенциал российской молодежи складывается преимущественно на базе идентичности. В условиях сужения каналов мобильности и сферы производства, оттеснения молодежи на периферию экономической жизни, протестный потенциал проявляется в форме отказа от социальной активности. Поэтому ведущей характеристикой субъектов социальных отношений в кризисном обществе является их ориентация на дистанцирование от мобилизационной преобразовательной деятельности.

Во втором параграфе «*Формы проявления социальной субъектности молодежи в современном российском обществе*» систематизируется большой эмпирический материал, в котором разные исследователи фиксируют различные формы социальной активности молодежи. В ее ведущих разновидностях выражены две основные стратегии адаптации – социальной интеграции и социальной дифференциации. Они выступают основанием для формирования групповой идентичности в молодежной среде и проявления социальной субъектности различных групп молодежи.

Адаптация молодежи к обществу по выделенным моделям имеет общие характерные черты: 1) *вынужденность интеграции, которая рождает отчужденность*: включение индивида в общественные (или неформальные) структуры часто не сопровождается самоидентификацией с ними; это проявляется, например, в немотивированности поступления в вуз и отсутствии установки на профессиональное становление, или в формальном (юридическом) включении в работу госпредприятия при реальной занятости в частном секторе, 2) *альтернативный характер интеграции*: либо самоутверждение в социально одобряемых формах в молодежных субкультурах, либо делинквентные инновации; 3) *сужение оснований для идентичности*: социально значимые компоненты вытесняется личным или узкогрупповым интересом; 4) *локальный*

характер интеграции: замыкание на уровне отдельных групп молодежи, а не на всей общности в целом.

Социальная субъектность молодежи проявляется в обеих моделях адаптации к обществу, однако в интеграционной модели молодежь выступает актором, поддерживающим и воспроизводящим сложившиеся социокультурные ценности, в дифференцирующей – стремящимся конструировать свой собственный мир, существующий параллельно с обществом «взрослых» (хип-культура), или вступающим с ним в конфликтные отношения (постпанковская субкультура). Автор анализирует выделенные модели адаптации молодежи и показывает, что только незначительная ее часть является активистами; большинство занимает промежуточную позицию ведомых исполнителей, которые для формирования осмысленной жизненной позиции нуждаются во внешнем импульсе.

В третьей главе **«Активизация молодежной инициативы как главное направление ювенальной политики государства»** рассматриваются два круга проблем: проявление субъектности молодежных групп, обладающих различным типом идентичности, в сфере политических отношений; а также степень соответствия направлений государственной молодежной политики ожиданиям и возможностям современной молодежи. В первом параграфе **«Социально-политическая активность молодежи»** с помощью метода сравнительного анализа изучаются политические ориентации молодежи. Автор сопоставляет результаты эмпирических исследований, проведенных по этой проблематике в различных регионах России с результатами собственных исследований, показывает фрагментарность и не структурированность политического сознания молодежи. Терминальные демократические ценности не сопрягаются большинством молодежи с представлениями о социально-экономических и политических механизмах, обеспечивающих их реализацию.

Сопоставление ценностных ориентаций по возрастным подгруппам молодежи свидетельствует о нарастании по мере взросления политической апатии и разочарованности в эффективности политических институтов и демократических процедурах. Осознание молодежью незащищенности своих ключевых социально-экономических прав – права на труд и его достойную оплату, на жилье, предпринимательство, социальную защиту и охрану здоровья, альтернативную службу – определя-

ет недоверие большинства молодых людей к политическим и правовым институтам государства и расширение ее аполитичности.

Примерно половина благополучной молодежи (с точки зрения материального и семейного отношений) не удовлетворена своим социальным статусом и местом в жизни, что формируют определенный фон социальной напряженности в обществе. Около половины молодежи средней доходной группы с интересом относится к политике и охотно обсуждает политические темы. Однако этот интерес поверхностен, не подкреплен практической общественной деятельностью, не увязывается с реализацией конкретных жизненных проблем самой молодежи и не опирается на какие-либо политические знания. Наличие такого интереса к политике позволяет при необходимости манипулировать сознанием молодежи.

Подгруппа молодежи, проявляющая интерес к политике, демонстрирует предпочтение проправительственной партии «Единая Россия» и наибольшие симпатии ее молодежной организации – «Молодая гвардия Единой России». Наряду с этим фиксируется достаточно высокая осведомленность молодежи о различных радикальных молодежных организациях и о популярности их идей. Устойчивой потенциальной поддержкой пользуются скинхеды, им симпатизирует около 15 % молодых респондентов, независимо от принадлежности к типу поселений.

Однако юридически оформленные молодежные организации, такие как молодежные отделения СПС, «Яблоко», Российский Союз Молодежи и др., крайне слабо используют интерес различных групп молодежи к политике для организации реальной работы с ней. Эта ситуация объясняет разочарованность молодежных лидеров в политике, формирует тенденцию ухода социально активной молодежи из политических движений и переориентацию некоторой ее части на радикальные неформальные политические организации.

Во втором параграфе *«Концептуализация стратегии государственной молодежной политики в условиях рыночного общества»* рассматриваются проблемы несоответствия готовности значительной части молодежи к социальной деятельности и отсутствия проявления долгосрочного интереса к ее организации со стороны сложившихся административно-политических структур. Автор подчеркивает, что одним из базовых индикаторов построения стратегии молодежной политики, по которым отличаются различные страны мира, является степень вме-

шательства государства в организационную работу с молодежью. Советская культурная традиция XX в. была выражена как государственный патернализм по отношению к молодежи.

В работе выделяются 4 этапа в трансформации государственной молодежной политики России, которые отличаются видением ее социальной роли и характером взаимодействия со старшими поколениями. На первом этапе молодежь рассматривалась в качестве главного актора созидания коммунистического общества. Ей приписывалась роль новатора, разрывающего традицию заимствования исторического опыта предшествующих поколений. Хрущевская оттепель положила начало второму этапу, когда молодежь стала объектом воспитания и носителем новой социалистической традиции, «продолжателя» опыта старшего поколения. Кризис конца 80-х гг. задал ракурс рассмотрения молодежи в качестве страдающего, «потерянного» поколения, дезориентированного в социальном пространстве, переставшего выступать в качестве объекта политики государства. Сегодня начитается новый, четвертый этап, когда формируются новые подходы к ее активизации, и она вновь потенциальной социальной силой.

Преодоление социальной апатии и политической отчужденности молодежи предполагает реанимацию важного элемента культурной традиции – тесного взаимодействия государства и молодежных организаций. В диссертации анализируются современные подходы, направленные на активизацию предприимчивости молодежи и ее проектной деятельности, которая рассматривается как основа для выделения инвестиций в поддержку молодежных инициатив. Однако автор показывает неготовность подавляющей части молодежи, особенно из сельских поселений, малых и средних городов, к подобной активности, и доказывает необходимость восстановления организованных форм обучения гражданской активности.

Поэтому государственная молодежная политика должна включать в себя два уровня в зависимости от возрастных групп молодежи. На первом средствами государственной поддержки должны быть институционализированы массовые юношеские организации в общеобразовательных учреждениях, задача которых формирование социальных ориентиров и практических навыков социальной деятельности. На втором уровне требуется государственная поддержка расширения социальной

компетенции молодежных лидеров, их выявление, обучение и интеграция в местные органы самоуправления. Успешность деятельности в этих направлениях обеспечит эффективную реализацию конкурсного финансирования молодежных проектов, направленных на решение актуальных молодежных проблем. При этом неременным условием должна быть установка на обеспечение компетентного разрешения молодежных проблем ресурсами самой молодежи.

В **Заключении** подводятся итоги и результаты исследования, и формулируются общие выводы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи из перечня ведущих научных журналов и изданий ВАК:

1. Арженовский Б.М. Интерпритация «социального субъекта» в современных социологических концепциях [Текст] / Б.М. Арженовский // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск. «Проблемы социокультурной трансформации современного российского общества» Ростов н/Д, 2006. – 0,45 п.л.

Научные статьи, доклады, тезисы

2. Гурба В.Н., Арженовский Б.М. Социально-политические ориентации молодежи Юга России [Текст] / Б.М. Арженовский // Тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социологические проблемы в современной России»: в 16 т. М.: АЛЬФА, 2006. Т. 4. – 0,2 п.л. (личных 0,1).

3. Арженовский Б.М. Активизация молодежной инициативы: проблемы, поиски, решения [Текст]: Монография / Б.М. Арженовский. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2006 – 5,4 п.л.

4. Арженовский Б.М. Стратегические задачи молодежи в рыночных условиях. // Наука и образование. Известия Южного отделения Российской академии образования и Ростовского государственного педагогического университета. Ростов н/Д.: Из-во РГПУ, 2006. № 1. – 0,4 п.л.

5. Арженовский Б.М. Социально-политические ценности провинциальной молодежи сообществах [Текст] / Б.М. Арженовский // Актуальные проблемы формирования транзитивного общества. Социологические очерки. Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2005. № 1.- 0,9 п. л.

Подписано в печать 17.11.2006 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 1,0 п.л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано: 344082, г. Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, 33.
Тел. (863) 272-67-43